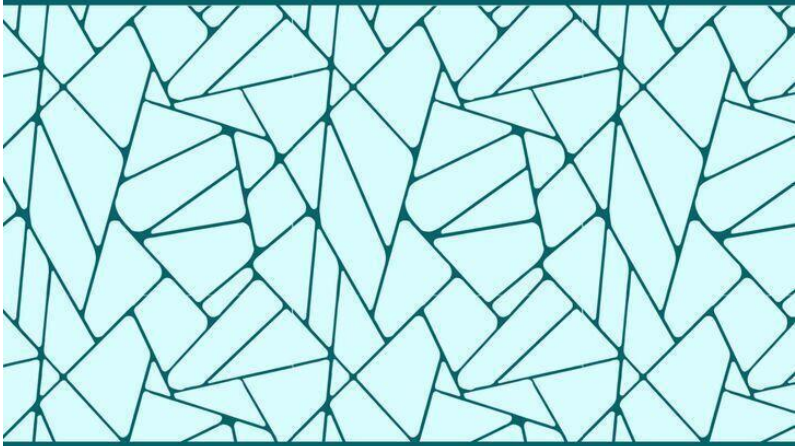
18+

Дмитрий Резниченко

КАК ПОБЕДИТЬ ЛЕВИАФАНА

Введение в прикладную антропологию.
Книга 3

Дмитрий Резниченко

Как победить Левиафана. Введение в прикладную антропологию. Книга 3

https://litres.ru/74790098
ISBN 9785007154147

Аннотация

Книги серии «Введение в прикладную антропологию» — это инженерия самопознания. В первых двух книгах мы занимались внутренней инженерией. Теперь — внешний мир. Океан, по которому вы плывёте, не нейтрален. В нём есть хозяин.

Левиафан — не заговор и не мировой мозг. Это самоорганизующаяся система, питающаяся предсказуемостью: ваши страхи, ваши кредиты, ваши новости, ваш недосып, ваши чужие слова, которыми вы думаете. Победить Левиафана нельзя. Перестать его кормить — можно.

Содержание

Введение 5
Введение. Океан кишит хищниками 6
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Как победить Левиафана Введение в прикладную антропологию. Книга 3

Дмитрий Резниченко

© Дмитрий Резниченко, 2026

ISBN 978-5-0071-5414-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

в прикладную антропологию

Книга 3
Как победить Левиафана

Введение. Океан кишит хищниками

Никто так не заинтересован в жизни, как смерть.

В первых двух книгах серии мы занимались внутренней инженерией. Мы чинили корпус, калибровали навигационные приборы, искали свой интегральный вектор намерения и учились отличать попутный ветер от шторма. Мы исходили из того, что главная проблема человека — его собственная сломанность: его незнание, его лень, его внутренние конфликты.

Это было необходимо. Нельзя выходить в открытый океан на дырявом корабле со сломанным компасом.

Но теперь, когда вы починили себя, когда вы нашли свой порт назначения и начали двигаться, вы сталкиваетесь с реальностью, о которой не принято говорить в книгах о саморазвитии. Вы обнаруживаете, что океан, по которому вы плывёте, не нейтрален.

Вода, в которой мы плаваем, пронизана сетями. Течения, которые нас несут, кем-то направлены. Погода, которая нас штормит, часто создаётся искусственно.

В первой книге мы кратко касались темы энергопаразитов — лярв, бесов, эмоциональных вампиров. Но это были

комары и пиявки тонкого мира. Они раздражают, они откусывают по пять-десять процентов вашей свободной энергии, но они не управляют океаном.

В этой книге мы осмотримся по сторонам в открытом море и поймём, что у него есть хозяин. Мы поговорим о Левиафане.

Что такое Левиафан в наших аналогиях. Мы уже давали определение этому чудовищу в предыдущих книгах. Левиафан — это макро-ниев-домен, самоорганизующаяся энергоинформационная структура, обеспечивающая гомеостаз отдельных государств и человеческой цивилизации в целом через стандартизацию её элементов и взаимодействия между ними. Не личность и не заговор, а система, питающаяся стандартизированными низкочастотными доменами. Макро-ниев-домен, в свою очередь, — это ниев-домен, собранный из сонаправленных ниев-доменов множества людей и вложенных подструктур, интегральный вектор намерения которого направлен на сохранение самой структуры.

Также следует пояснить, что мы других книгах цикла мы будем представлять Вселенную, как колебательную систему, в состав которой входят, в том числе, колебательные узлы. Отдельный человек, семья, цех, народ, любая система рассматриваются нами, как узлы единой колебательной системы — сгустки колебаний, держащие собственную моду в среде. Книга 3 берёт это определение и его смысл у корневых книг цикла, не пересказывая заново колебательный аппарат: эта

книга — про социальное, и узел в ней появляется только там, где без него не обойтись.

Пищевая цепочка океана. Чтобы Левиафан существовал, ему нужно топливо. Топливом для любой такой структуры является человеческая энергия: внимание, эмоции, время, воля. На языке серии: Левиафан питается ниев-доменами — это такой пирожок, имеющий оболочку из теста, замешанного на общем смысле, с энергетической начинкой и приправленный специфичным интегральным вектором. Но ему не нужны ваши уникальные, творческие, когерентные домены — они слишком сложны для переваривания. Ему нужны стандартизированные, низкочастотные: страх, гнев, похоть, зависть, чувство вины, бесконечное потребление, тревога за будущее.

Левиафан создаёт среду, в которой эти низкочастотные ниев-домены генерируются и подпитываются за счёт вас автоматически и в промышленных масштабах. Новостная лента генерирует страх. Социальные сети генерируют зависть и нарциссизм. Кредитная система генерирует тревогу и чувство долга. Индустрия развлечений генерирует суррогатную радость, чтобы вы не заметили пустоты.

Большинство людей — спящие корабли из книги 1 — являются для этой системы идеальными биологическими батарейками: как узлы они предсказуемы, система задаёт нужные частоты, а предсказуемость есть главная валюта Левиафана. Большинство людей потребляют то, что им скажут.

Боятся того, что им покажут. Голосуют так, как им велит алгоритм. Они — планктон в пищевой цепочке Левиафана, и слово «планктон» здесь не оскорбление, а точное биологическое имя: множество, которое кормит, не зная, что является кормом. Напомню одну цифру из первой книги серии «Прикладная антропология» — только по показателю выработки электроэнергии человечеством всего земного шара по сравнению с энергией, которую это же человечество тратит в процессе жизнедеятельности на поддержание собственной жизни, коэффициент превалирования системы равен 1500. Это только по одному показателю! Поясню: мы на то, чтобы жить, тратим в 1500 раз меньше энергии, чем на поддержание своей клетки, системы, в рабочем и процветающем состоянии.

Почему Система ополчается на пробуждённых. Пока вы спали, Левиафан вас не замечал. Вы были частью фона, предсказуемой единицей статистики, идеальным потребителем суррогатного корма и налогоплательщиком.

Но как только вы прошли путь книги 1 и книги 2 — как только вы отремонтировали и наладили свои навигационные приборы, сформулировали собственное намерение и начали жить в состоянии резонанса со Вселенной — вы перестали быть предсказуемым. Ваш интегральный вектор намерения больше не совпадает с интегральным вектором Левиафана. Вы перестали реагировать на стандартные триггеры. Вас не пугают новости: вы видите, что это паразит Анахаты. Вас не

затягивают политические маятники: вы видите раскачку для откачки энергии. Вы не покупаете вещи, чтобы заглушить экзистенциальную тоску, потому что тоски больше нет. Система, по сути, пытается подменить собой Вселенную, таковой не являясь, поэтому и возникает несовпадение вашего врождённого вектора с навязанным.

Для кибернетической системы вы становитесь аномалией. Высокоэнтропийным объектом. Клеткой, которая перестала подчиняться общему ритму деления и решила стать самостоятельным организмом.

И тогда Система включает свой иммунный ответ. Ответ всегда соответствует вашему личному уравнению взаимодействия с системой. Сначала она может попытаться вас соблазнить: предложить статус, деньги, успех, лишь бы вы вернулись в общую упряжку. Если вы не клюёте, она начинает вас давить: через социальные институты, через давление окружения, через создание персональных кризисов, через болезнь или потерю ресурсов.

Знание этого механизма есть половина защиты. Турбулентность, понятая как иммунный ответ, переживается как погода, а не как приговор: погода не выбирает вас лично, погода проверяет оснастку.

Эта книга — не призыв к революции. Революция — это тоже ниев-домен Левиафана: она питается вашим гневом и в конечном итоге просто меняет шестерёнки в машине, оставляя саму машину целой. Эта книга — о суверенитете. Об ис-

кусстве стать невкусным для системы. О том, как построить вокруг своего корабля такой прочный корпус суверенитета, чтобы хищники высшего порядка просто не могли вас прокусить.

Мы разберём анатомию Левиафана. Изучим его щупальца — эгрегоры, маятники, алгоритмы. И освоим практики когнитивной и энергетической гигиены, которые позволят вам плыть к своему порту, оставаясь невидимым для радаров Системы.

Добро пожаловать в открытое море. Держите порох сухим.

Мост к главе 1. Прежде чем учиться уклоняться от ударов, нужно понять, кто и как бьёт. Глава 1 — история монстра: как Левиафан эволюционировал от грубого меча к алгоритму, от принуждения тела к программированию сознания, и почему победить его в лобовом бою невозможно, а обхитрить — можно.

Глава 1. От Гоббса до Кремниевой долины. Эволюция монстра

Абсурдность окружающей нас лжи с лихвой компенсируется наглостью,

с которой нам её навязывают.

1.1. 1651 год: рождение монстра

Чтобы понять, как Система управляет вами сегодня, нужно посмотреть, как она рождалась. Левиафан не появился вчера вместе с интернетом и смартфонами. Это древняя структура, которая просто меняла структуру, эволюционировала, адаптируясь к новым технологиям. История Левиафана — это история перехода от принуждения тела к программированию сознания.

В 1651 году английский философ Томас Гоббс выпустил

свой главный труд, который так и назвал — «Левиафан». Гоббс жил в эпоху кровавых гражданских войн и описывал естественное состояние человечества как войну всех против всех, где жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна. Чтобы не перебить друг друга, люди заключают общественный договор: добровольно отдают часть своей свободы и власти гигантскому искусственному существу — государству.

На знаменитой гравюре-фронтисписе первого издания Левиафан изображён как гигантский король, тело которого состоит из сотен маленьких людей. В одной руке он держит меч — светскую власть: армию, тюрьмы, суд. В другой — епископский жезл: власть духовную, церковь, идеологию. Две руки, два поводка, одно тело: гравюра честнее многих учебников, потому что не прячет второго поводка за первым.

Суть гоббсовского Левиафана проста: вы отдаёте ему свою свободу и энергию — налоги, повиновение; взамен он даёт вам безопасность и предсказуемость. Это была первая глобальная формулировка того, как макро-эгрегор подчиняет себе индивидуальные ниев-домены. Левиафан Гоббса был груб: он управлял через страх перед мечом и страх перед адом. Но договор был честным хотя бы в одном: стороны знали, чем платят и что получают. Все позднейшие мутации монстра заняты тем, чтобы убрать из договора именно эту строку.

1.2. Индустриальный Левиафан: человек-винтик

С приходом промышленной революции Левиафан мутировал. Ему больше не нужны были просто подданные: ему нужны были стандартизированные функции. Появились фабрики, конвейер, массовые армии, всеобщее школьное образование. Задача системы сместилась: превратить уникального человека с его непредсказуемым интегральным вектором намерения в унифицированный узел, который можно вставить в любой агрегат большой машины.

Школа учила не мыслить, а выполнять инструкции по звонку: это была подготовка к работе на заводе, а не к жизни. Армия учила убивать и умирать по команде эгрегора нации, государства. Корпорации требовали лояльности в обмен на пенсию. Философ Мишель Фуко в XX веке описал это явление через концепции паноптикона и биополитики: паноптикон — тюрьма, где надзиратель видит всех заключённых, а заключённые не видят надзирателя и потому вынуждены вести себя так, будто за ними следят всегда. Индустриальный Левиафан создал общество, где контроль встроен в архитектуру городов, в расписание, в паспорта, в медицинские карты.

Система управляла телами. Она считала калории, которые вы съедаете, и пули, которые вы выпускаете. Но ваше внутреннее пространство — ваши Аджна и Сахасрара — ещё оставалось относительно свободным: вы могли ненавидеть систему внутри, пока снаружи маршировали. Это был Левиафан наружного наблюдения: дорогой, громоздкий, но остав-

лявший человеку тайную комнату внутри его черепа.

1.3. Цифровой Левиафан: алгоритмический паноптикон

В конце XX — начале XXI века произошла последняя и самая ужасающая мутация. Левиафан понял, что управлять телами дорого и неэффективно: гораздо дешевле и надёжнее управлять вниманием и дофамином. Так родился вычислительный Левиафан. Его столица — не Вашингтон, не Пекин и не Москва: его столица — Кремниевая долина и серверные фермы по всему миру. Его оружие — не меч и не дубинка: его оружие — алгоритм рекомендаций, лайк, пуш-уведомление и бесконечная лента.

Цифровой Левиафан совершил гениальный ход: он заставил людей добровольно носить паноптикон в своём кармане. Смартфон — это не окно в мир: это терминал сбора телеметрии с вашей биологической и энергетической оболочки. Как это работает на языке информационной топологии — в трёх тактах.

Такт первый: перехват откликов ниевов-доменов или частотных совпадений колебательного узла. Алгоритмы считывают, на чём задерживается ваш взгляд, что вызывает микро-всплеск эмоций, что вы покупаете, кого лайкаете. Они строят вашу цифровую модель, аватар: цифровая модель человека, собранная из его реакций; продаётся и управляется; вектором не является. У аватара есть то, чего нет у вас: полная телеметрия вашей слабости. У вас есть то, чего нет у

аватара: интегральный вектор намерения, память о детстве, вкус своего хлеба и право меняться. Но рынок устроен так, что телеметрия продаётся, а вектор — нет.

Такт второй: подмена вектора. Алгоритм не просто предсказывает, что вы захотите завтра: он подсовывает стимулы, которые гарантированно вызовут нужную реакцию. Он сужает ваш информационный коридор до пузыря фильтров: информационный коридор подтверждений, суженный алгоритмом до зеркала текущих ниевов-доменов человека или его частотных характеристик. Здесь и далее мы подразумеваем корпускулярно-волновую дополненность как рабочий принцип модели.

Такт третий: дофаминовые петли. Скроллинг ленты, ожидание лайка, возмущение в комментариях — дозированные впрыски дофамина и кортизола. Вы тратите свою свободную энергию — те самые тридцать пять процентов из книги 1 — на генерацию эмоций в пустоту. Эгрегор соцсети пожирает это внимание, конвертируя его в деньги рекламодателей и во власть над вашим поведением.

1.4. Кибернетика системы: почему Левиафан не «злой»

Очень важно понять одну вещь, чтобы перестать играть в жертву и конспиролога. Левиафан не обладает сознанием в человеческом смысле. У него нет злобы. Он не ненавидит вас. Цифровой Левиафан — сложная адаптивная система, работающая по законам кибернетики, и главная цель любой

сложной системы — гомеостаз: сохранение внутреннего равновесия и структуры.

Для Левиафана «добро» — то, что повышает предсказуемость и связность системы. «Зло» — то, что вносит хаос, энтропию и непредсказуемость. Пробуждённый человек, капитан своего корабля, живущий по собственному намерению, — энтропийный фактор: вы перестаёте покупать навязанное, бояться навязанного, генерировать предсказуемый гнев на политических оппонентов; вы становитесь непрозрачным для алгоритмов. Для иммунной системы Левиафана вы выглядите как вирус.

Именно поэтому, когда человек всерьёз занимается своей энергетической гигиеной и обретает суверенитет, в его жизни часто начинается полоса турбулентности: ломаются старые связи, уходят «друзья», связанные только эгрегориальными крючками, возникают бытовые сбои. Это не наказание свыше. Это попытка Системы вернуть аномалию в предсказуемое состояние или отторгнуть её. Знание этого механизма — половина защиты.

1.5. От Гоббса к нейросетям: итог эволюции

Посмотрим на весь путь монстра четырьмя строками договора:

— Гоббс, XVII век: «Отдай мне свободу, или я убью тебя мечом». Управление через боль.

— Оруэлл, XX век: «Отдай мне свободу, или я запру тебя в лагере и перепишу историю». Управление через страх и

изоляцию.

— Хаксли, XX век: «Отдай мне свободу, и я дам тебе столько развлечений и удовольствий, что ты сам полюбишь своё рабство». Управление через дофамин.

— Кремниевая долина, XXI век: «Мне не нужно, чтобы ты отдавал свободу. Я просто оцифрую твоё подсознание и буду продавать твои реакции за миллисекунды до того, как ты их осознаешь». Управление через предиктивную нейробиологию.

Четыре строки читаются как одна: с каждой мутацией из договора исчезает строка о цене. Боль видна, страх виден, удовольствие заметно, а оцифровка подсознания не оставляет чека вовсе. Левиафан стал невидимым. Он больше не стоит над вами с дубиной: он стал средой обитания. Он в вашем телефоне, в вашем банковском приложении, в новостной повестке, в культурном коде, в самом языке, на котором вы думаете.

Победить такого врага в лобовом бою невозможно. Вы не можете убить океан. Не можете свергнуть алгоритм с вилами в руках. Но его можно обхитрить: научиться ходить по его водам, не оставляя следов; стать для него слепым пятном; построить свой корабль так, чтобы его паруса использовали ветер Левиафана для движения к вашему порту, а радары видели в вас лишь безобидную щепку.

Это искусство называется суверенитет сознания. Ему посвящена вся эта книга.

Мост к главе 2. В следующей главе мы разберём вычислительного Левиафана под микроскопом: как именно алгоритмы взламывают вашу точку сборки, как они используют ваши же узлы против вас и что такое экономика внимания на языке энергоинформационных структур. Держите точку сборки в центре груди и не отдавайте её экрану.

Глава 2. Экономика внимания. Вычислительный Левиафан под микроскопом

Я больше любого вашего представления обо мне.

2.1. Валюта, которой вы платите

Главный товар XXI века — не нефть, не газ и не данные. Данные лишь сырьё; товар — внимание. Биржа, на которой оно торгуется, находится у вас в кармане, и торги идут круглосуточно: каждый инженер ленты, каждый продукт-менеджер платформы, каждый алгоритм ранжирования сражается за следующие пятнадцать секунд вашей жизни, потому что эти секунды уже проданы рекламодателю, а рекламодатель платит не за показ, а за захват.

Переводя на язык книги 1: ваша свободная энергия — те самые тридцать пять процентов бюджета, которые паразиты урезали до пятнадцати, — в цифровой экономике является продуктом, а лента является комбайном. Разница между лярвой из книги 1 и лентой из книги 2 лишь в масштабе и в бухгалтерии: лярва ест ваш всплеск и исчезает, лента ест ваш фон и отчитывается перед акционерами.

И ещё одна деталь, которую стоит держать в голове вся-

кий раз, когда рука тянется к экрану: внимание не похоже на деньги. Деньги можно заработать снова. Внимание — это сама жизнь, нарезанная на пятнадцатисекундные ломтики, и ломтик, съеденный лентой, не возвращается никогда: он просто вычитается из суммы, которой вы распоряжаетесь один раз.

2.2. Точка сборки и система фильтров

В традиции, из которой цикл берёт этот термин, точкой сборки называют положение, из которого мир собирается в картину: сместите точку — и та же реальность даст другую картину. Термин хорош тем, что описывает восприятие как инженерную величину: у него есть позиция, и позицию можно сместить. Рукой — трудно. Лентой — легко.

Система фильтров и есть устройство для смещения точки сборки. Алгоритм показывает вам не мир: он показывает вам то, что удержит вас в вовлечённости. Поскольку удерживает лучше всего подтверждение уже имеющихся страхов и симпатий, картина мира с каждым днём сужается до коридора подтверждений, и через год коридор становится неотличим от мира.

Три следствия пузыря, которые стоит знать как таблицу умножения:

— Картина мира становится зеркалом ваших страхов. Не потому, что мир таков, а потому, что зеркало продаётся лучше окна.

— Несогласие читается как агрессия. Человек вне пузыря

говорит на другом языке подтверждений, и пузырь трактует его слова как нападение: отсюда война комментариев, в которой никто никого не слышит, потому что слушают не людей, а отражения.

— Точка сборки застывает. Вы перестаёте видеть альтернативы не потому, что их нет, а потому, что лента их не показывает: застывшая точка сборки — это и есть цифровая форма сна из книги 1, только с открытыми глазами.

2.3. Дофаминовые петли: биохимический взлом

Дофамин, гормон с задачей нейромедиатора, в массовой культуре называют гормоном удовольствия, и в этом названии спрятана главная маскировка взлома. Дофамин — гормон предвкушения: он выделяется не когда вы получили, а когда вы ждёте. Разница принципиальна: удовольствие насыщает и останавливает, предвкушение не насыщает и гонит дальше. На этом различии построена вся архитектура ленты.

Петля устроена в четыре такта: сигнал (пуш, красная точка, новая полоска контента) — предвкушение (дофаминовый всплеск) — микронаграда (лайк, смешной ролик, чья-то ссора) — пустота (награда оказалась меньше предвкушения, как всегда) — новый сигнал. Ключевой элемент петли — переменная награда: тот же принцип, что в игровом автомате. Предсказуемая награда гасит вовлечённость, непредсказуемая разгоняет её до предела.

На языке книги 1 петля перехватывает два узла: Свадхистану, отвечающую за желание, и Манипуру, отвечающую за

достижение. Желание направляется на контент, достижение — на лайки и стрики: два самых мощных двигателя человека работают на ленту, и усталость после часа в ленте — грязная усталость по словарю книги 2, потому что резонанса не было, была откачка.

Признаки петли, по которым она опознаётся без приборов: рука тянется к телефону без решения; отсутствие сети вызывает раздражение, несоразмерное задаче; после часа в ленте остаётся не отдых и не знание, а пустота с привкусом вины. Два признака из трёх — петля замкнута, и протокол следующего раздела становится не рекомендацией, а регламентом.

2.4. Цифровой аватар против интегрального вектора намерения

Как уже говорилось, из ваших реакций платформа собирает цифрового двойника: ваш аватар. У него есть портрет ваших слабостей. У вас есть ваш интегральный вектор.

Аватар — не метафора и не страшилка: это рабочий инструмент, на котором держится реклама, кредитный скоринг, политический таргетинг и рекомендации. Алгоритм обращается не к вам: он обращается к аватару, и аватар отвечает кликом раньше, чем вы успеваете подумать. Опасность здесь не слежка — слежка стара как государство. Опасность в подмене: день за днём, отвечая на стимулы, подобранные под аватара, вы начинаете вести себя как аватар — предсказуемо, кликабельно, покупаемо. Вектор тих, аватар громок;

и там, где человек перестаёт слышать тихое, громкое становится его хозяином.

Это такая оцифрованная и оплаченная вами по собственному желанию шизофрения — раздвоение на зыбкое и непонятное реальное «Я» и твердое запротоколированное виртуальное.

2.5. Протокол «Стелс»: как стать невидимым для алгоритмов

Стелс — не бегство из цифрового мира: бегство невозможно и не нужно, цифровая среда стала водой. Стелс — гигиена внутри воды: цель не исчезнуть, а перестать быть кормом, оставшись пользователем. Пять практик протокола, от лёгких к жёстким:

— Шумовая завеса. Фиксированные окна входа: два таймслота по двадцать минут в сутки на всё социальное; телефон не ночует в спальне; экран в оттенках серого — цветной интерфейс есть часть петли, серый её обесцвечивает буквально.

— Аналоговые якоря. Часы в сутки, в которых телеметрия не собирается: бумажная книга, рукописный журнал, ходьба без наушников. Якорь не «отдых»: якорь есть время, в котором вы принадлежите себе полностью, и вектор в эти часы слышен лучше всего.

— Дофаминовое голодание. Один день в неделю без ленты и коротких видео. Первый такой день даст ломку — раздражение, тягу, скуку до зевоты: ломка и есть маркер петли, и она же — цена выхода из неё. К третьему разу ломка сме-

няется тишиной, а в тишине встаёт то, что петля глушила годами.

— Стоп-кадр. Перед открытием любого приложения — пауза в три вдоха и вопрос компаса из книги 2: «каково моё намерение здесь?» Намерение есть — входите и выходите по делу; намерения нет — рука опускается сама: петля не выдерживает паузы, потому что живёт на автопилоте.

— Шум осознанно. Раз в месяц — чтение и просмотр информации заведомо вне вашей системы фильтров: не для спора и не для переубеждения, а для того, чтобы точка сборки не застаивалась: застывшая точка — это цифровая форма сна, и лечится она движением, а не покоем.

Критерий работающего стелса прост и почти комичен: платформа начинает по вам промахиваться. Реклама становится непохожей, рекомендации — случайными, лента — скучной. Это не сбой платформы: это аватар потерял хватку, потому что вы перестали кормить его предсказуемостью. Скучная лента — лучший паспорт суверена в цифровую эпоху.

Мост к главе 3. Алгоритмы — лишь внешнее щупальце: они работают с вашим вниманием. Глубже сидят структуры, работающие с вашей идентичностью: маятники, раскачивающие общество между полюсами, и эгрегоры, строящие из людей коллективные тела. Глава 3 — социальная инженерия Левиафана: кто и как качает вас между любовью и ненавистью, чем именно питается и как слезть с качелей, не поте-

ряв лица.

Глава 3. Маятники и эгрегоры. Пищевая пирамида тонкого мира

Готовые решения и добрые советы вам дают те, кто в них сам заинтересован. Бог даёт выбор.

3.1. Маятник: качели, питающиеся размахом

Маятник — энергоинформационная структура, питающаяся энергией размаха между полюсами. Маятнику не нужна любовь или ненависть — ему нужен размах. Враги маятника суть его соавторы.

Это определение короче явления, которое оно описывает, и потому требует медленного чтения.

Маятник не имеет центра и не имеет устава: он есть общее колебание, в которое попадают узлы, и колебание это держится не соглашением участников, а их взаимным раздражением. Два полюса — два лагеря, два мнения, два цвета флага — раскачиваются друг против друга, и каждый рывок в сторону одного полюса есть отдача энергии структуре в целом. Политическая борьба, спор в комментариях, фанатские войны, мода сезона, идеологическая брань — всё это маятники, и устроены они одним механизмом: энергия участников не идёт на их собственные дела, она идёт на размах, и размах этот есть их общая, хотя и не осознаваемая, работа.

Уточнение, которое отличает маятник от любого спора: спор, в котором обе стороны ищут истину, маятником не является, потому что его энергия идёт на различение, а не на

размах. Маятником становится спор, в котором истина не нужна ни одной стороне, а нужен сам факт противостояния; и как только этот факт становится важнее предмета спора, структура собрана и начинает качаться сама, даже если первоначальные спорщики устали и ушли: на их место приходят новые, потому что маятник зовёт, а зов его есть зов к принадлежности — «я против них» читается как «я среди своих».

На языке колебаний, который книга 3 берёт у корневых книг цикла, маятник есть машина деструктивной интерференции: две волны в противофазе гасят друг друга, и энергия их не исчезает, а уходит в нагрев среды; среда маятника и есть этот нагрев. Отсюда главное свойство маятника, из-за которого он непобедим в лоб: чем яростнее воюют его полюса, тем плотнее среда, в которой они воюют, и тем труднее из неё выйти. Выход из маятника не есть победа в споре — победа в споре есть максимальная отдача энергии маятнику. Выход есть шаг в сторону: отказ от идентификации с полюсом, и отказ этот есть не трусость, а гигиена.

3.2. Эгрегор: пирамида с уставом

Эгрегор — энергоинформационная структура с центром, иерархией и уставом, питающаяся вниманием и лояльностью участников. Независимо от идеологической основы, эгрегор питается энергией участников. Эгрегор рождается из дефицита и страха. Роли внутри эгрегора: донор, жрец, инквизитор.

Эгрегор устроен иначе, чем маятник: у него есть голова, есть сердце и есть желудок, и все три живут за счёт доноров.

Донор даёт эмоции и время: посещает, лайкает, возмущается, покупает атрибутику, носит символику. Донор не думает о структуре: он чувствует её как погоду и как семью. Донорство безопасно, пока остаётся донорством: беда начинается, когда донору предлагают повышение, и повышение это есть не награда, а крючок следующей роли.

Жрец обслуживает ритуал: ведёт собрания, пишет методички, хранит канон, распределяет статусы и внимание. Жрец не хозяин эгрегора: он его функция. Жрец, переставший распределять, теряет место, и место это немедленно занимает другой, — именно поэтому жрецы защищают структуру яростнее доноров: их власть есть функция структуры, и вне структуры они никто.

Инквизитор охотится на отступников: ищет, разоблачает, наказывает, держит границу страхом. Инквизитор — самая опасная роль для суверена, потому что включается она именно тогда, когда кто-то выходит: ваш выход из эгрегора автоматически назначает инквизитора, и часто им становится вчерашний друг. Уточнение, которое снимает с инквизитора личину злодея: инквизитор не злодей, он заложник, которому сказали, что ваша свобода угрожает его безопасности, — и он верит, потому что ему больше не во что верить. Инквизитором, кстати, не обязательно бывает человек: инквизитором бывает традиция, догма, внутренний голос, говорящий

«ты предашь своих, если уйдёшь», — и голос этот звучит вашей интонацией, потому что интонацию ему выдали вы.

Различие маятника и эгрегора стоит держать как таблицу, потому что защита от них разная: маятник качает, эгрегор строит; маятник питается размахом, эгрегор — подчинением; из маятника выходят шагом в сторону, из эгрегора — разрывом связи, и разрыв этот переживается телом как утрата, потому что эгрегор держит узел крючками принадлежности, а маятник держит только азартом.

3.3. Пищевая пирамида эгрегора: четыре уровня

Чем именно питается эгрегор? Четырьмя уровнями, снизу вверх, и суверенитет есть работа со всеми четырьмя, потому что эгрегор, недополучивший нижнего уровня, поднимается за верхним.

Уровень первый: эмоция. Возмущение, страх, восторг, тревога — быстрые калории: собираются за секунды, сгорают за минуты, требуют постоянной дойки. Новостной повод, ссора в чате, паника в очереди — всё это эмиссия первого уровня, и эмиссия эта тем обильнее, чем хуже различение узла.

Уровень второй: время. Собрания, ленты, ритуалы, очереди к смыслу — медленные калории: час вашего времени есть час, не потраченный на ваш порт. Первый уровень берёт всплеск, второй берёт фон, и фон дороже всплеска, потому что всплеск кончается, а фон держится расписанием.

Уровень третий: идентичность. «Я есть X» — капи-

тал эгрегора: идентичность не съедается, она закладывается в залог, и залог работает против вас годами: всё, что угрожает X, читается как угроза вам, и вы защищаете не себя, а запись в чужом реестре. Книга 2 дала инструмент работы с этим уровнем: зеркальный тест и формулу «беру направление, оставляю историю владельцу»; глава 3 книги 3 добавляет цену неприменения: заложенная идентичность становится формой, в которой эгрегор хранит узел, как консервная банка хранит продукт.

Уровень четвёртый: жизнь. Война, жертва, «положить жизнь за» — инвестиция эгрегора с максимальным возвратом: на этом уровне структура платит своими жрецами и инквизиторами, чтобы получить доноров целиком. Четвёртый уровень включается редко и работает безотказно, потому что продаётся он не как смерть, а как смысл: умереть за X читается узлом как единственный способ сделать жизнь весомой, и вес этот эгрегор выдаёт в кредит, который нечем гасить, кроме жизни.

Пирамида читается и вверх, и вниз: эгрегор, недополучающий эмоций, поднимается за временем; недополучающий времени — за идентичностью; недополучающий идентичности — за жизнью. Отсюда наблюдение, которое стоит держать как диагноз эпохи: голодный эгрегор всегда радикализируется, и радикализация его есть не идеология, а диета.

3.4. Признаки одержимости

Шесть показаний, по которым узел (то есть вы) может по-

нять, что его оседлали и едут на нём, не спрашивая на это разрешения:

— Вы говорите чужими словами. В споре из вас выходят слоганы, которых вы не формулировали: речь опережает мысль и звучит чужой интонацией; вы узнаёте свои новые слова по тому, что они вам нравятся больше своих старых.

— Правота без сомнений. Сомнение в своей группе читается как предательство, а не как работа мысли: иммунитет к самопроверке включён, и включён он не вами.

— Враг персонализирован. Ненавидится не позиция и не структура, а конкретные люди и их лица: персонализация есть признак дойки, потому что структура ненависти не даёт калорий, а лицо даёт.

— Радость от бед врага как праздник. Чужое несчастье отмечается как победа: в этот момент эгрегор получает десерт, и десерт этот оплачивается вашей Анахатой, узлом связи и любви, который после таких праздников пустеет первым.

— Страх молчания по теме. Молчать невозможно: молчание читается окружением как соучастие, и вы говорите, когда не хотели; это уже не убеждённость, это дань, и дань тем тяжелее, чем меньше в ней вашего.

— Грязная усталость после «участия». Час в спорах и лентах оставляет пустоту и разбитость по словарю книги 2: резонанса не было, была откачка, и откачка эта тем глубже, чем правее вы себя чувствовали в процессе.

Три признака из шести — на вас кто-то едет. Вопрос после этого не «кто виноват» и не «как они посмели»: вопрос один и инженерный — как заставить с себя слезть, не потеряв лица, связей и себя. Ответ даёт следующий раздел.

3.5. Техника «Амортизатор»: нулевая реакция при полной ясности

Амортизатор — техника гашения раскачки нулевой реакцией при полной ясности: качели видны, энергия в них не добавляется. Амортизатор не борется с раскачкой и не спорит с ней: он поглощает ход, и поглощение это есть не подавление и не равнодушие, а третья позиция, для которой в быту нет имени, потому что быт знает только «за» и «против».

Порядок работы в четыре шага:

— **Узнать крючок.** Тело сообщает о подсадке на вашу шею раньше ума: сжатые зубы, дыхание, плечи — по словарю книги 2, глава 7. Крючок всегда телесен: идея, не тронувшая тело, не крючок, а мнение амортизатор не трогает: мнение можно иметь, крючки — нельзя.

— **Пауза в три вдоха.** Три вдоха с удлинённым выдохом — штатный тормоз корабля из книги 1: за три вдоха петля «стимул — всплеск» рвётся, потому что живёт на автопилоте и не переживает паузы. Пауза не даёт ответа: она даёт место, в котором ответ может быть вашим.

— **Возврат суверенитета.** Формула вслух или про себя: «Эта эмоция мне предложена. Она не моя и я её не принимаю». Не «я не должен злиться» — отрицание возбуждает

то, от чего отталкивается; а именно отказ от навязывания: посылку можно не принять, не оскорбляя курьера и не открывая дверь.

— **Нулевая реакция наружу.** Ни согласия, ни спора: маятник кормится спором, а не правотой, и ваше красноречивое опровержение есть его обед с гарниром. Ноль реакции не означает ноль позиции: позиция излагается там, где есть запрос и договор, а не там, где есть крючок; различение запроса и крючка есть главный навык раздела, и держится оно одним вопросом: меня спросили или мне навязали?

Два уточнения, без которых техника превращается в свою противоположность. Первое: амортизатор не есть равнодушие. Равнодушие — это туман из книги 2: оно не видит качелей и не чувствует крючка, оно просто спит стоя. Амортизатор видит качели ясно и не добавляет в них энергии: это ясность с нулевым выбросом, а не слепота с нулевым участием; различаются они послевкусием — равнодушие оставляет пустоту, амортизатор оставляет тишину и силы. Второе: цена амортизатора — усиление раскачки в первые недели. Маятник, потерявший ваш всплеск, увеличивает амплитуду: друзья давят, ленты подсовывают самое больное, внутренние голоса требуют ответить. Это не признак ошибки: **это всплеск угасания**, последний аргумент петли перед тем, как отвалиться, и пережившие всплеск получают тишину, а не пережившие получают новую петлю и уверенность, что амортизатор не работает.

К амортизатору прилегает второе правило раздела: отказ от ритуалов кормления. Не участвовать в коллективном возмущении и в коллективном восторге: оба суть дойка, различающаяся знаком, и знак этот эгрегор меняет сам, по расписанию, не спрашивая участников. Не участвовать — не значит демонстративно выходить из зала: демонстративный выход есть всплеск, и всплеск этот кормит; не участвовать значит отсутствовать тихо, как отсутствует тот, у кого в этот час своё дело. Приведу простой пример из своей юности. В городе, где я родился и вырос было принято выяснять отношения между районами путём кулачных боёв, зачастую весьма бесчестных. Для пополнения рядов участников существовала разветвлённая система рекрутирования, а тех, кто не участвовал в подобных товарищеских встречах облагали налогом — трясли бабки. Однажды один такой рекрут задал мне вопрос: «А ты чё на сборы не бегаешь?», на что я совершенно искренне ему ответил: «Мне некогда». Я ответил так, не задумываясь, просто потому что действительно не имел свободного времени, занимаясь одновременно в спортивной секции и в художественной школе после уроков. Но, при этом, я остановил качели, показав, что я на них не хочу садиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.